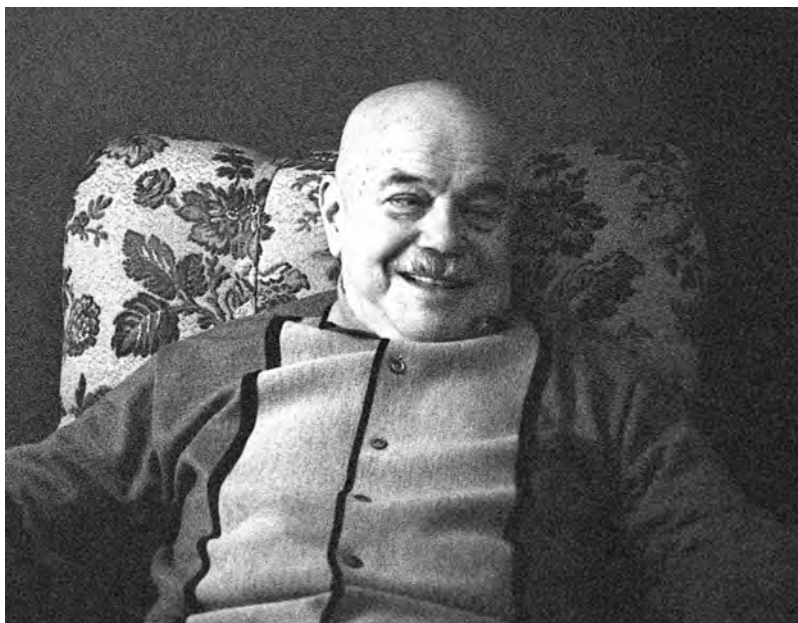

Евгений Голубовский

Я поднимаю руки. И... не сдаюсь

Начал комментировать ряд своих книг с автографами. Для номера альманаха, посвященного 120-летию В. Маяковского и связанным с этой датой Международным литературным фестивалем в Одессе, рассказал трагикомическую историю надписи В. Маяковского – В. Мейерхольду на первом издании «Мистерии-Буфф».

Для своеобразного «эха фестиваля» снял с полки книгу Виктора Шкловского «Гамбургский счет», надписанную автором мне в Одессе в 1969 году.

Естественно, что в одесских газетах не было сообщений о том, что здесь в начале осени 1969 года отдыхает и работает Виктор Шкловский. Но «сарафанное радио» в нашем городе действовало всегда лучше газет, да и нынешнего Интернета.

Виктор Борисович Шкловский – одна из самых противоречивых фигур русской литературы XX века. Теоретик авангарда и исследователь творчества Льва Толстого, невероятно смелый человек, получивший Георгиевский крест из рук генерала Корнилова, боровшийся с Петлюрой и Скоропадским, открыто, чуть ли не единственный из авангардистов выступивший против советской власти, потом бежавший от ЧК в Финляндию и Германию, и все же сдавшийся этой советской власти...

Одна из его книг называлась «Энергия заблуждения», он использовал формулу Льва Толстого, хоть мог сказать «два шага вперед, шаг назад». Аркадий Белинков книгу «Сдача и гибель советского интеллигента» хотел писать не о Юрии Олеше, а о Шкловском. И то, и другое, думаю, – ошибочно.

Так я, тогда работавший завотделом культуры молодежной газеты «Комсомольская искра», услышал, что между Фонтаном и Аркадией, на Тенистой, 12, на одной из дач поселился Виктор Борисович Шкловский. Он в очередной раз переписывал теорию прозы, писал книгу «Тетива. О несходстве сходного».

Телефонов ни на фонтанских, ни на аркадийских дачах тогда не было и в помине. Я решился позвонить в калитку, попросить разрешения на беседу.

За большим столом на крохотном дачном участке сидел полуголый улыбающийся Будда, огромным ножом резал, нет, рассекал арбуз...

Я представился. Улыбка не сошла с его лица.

– Заходите! Арбузы в доме есть.

Почти заикаясь от волнения, я рассказал, что влюбился в Шкловского, прочитав когда-то его «Зоо, или Письма не о любви», что его книга о Маяковском лежит у меня на столе... Он прервал

меня и спросил, а сегодня что в нем могло бы заинтересовать нашу газету.

– Вы ведь не впервые в Одессе?..

– Бывал. Но это не мой город. Я любил и люблю одесских писателей – Бабеля, Олешу, Ильфа, Бондарина. А в Одессу приезжал на кинофабрику, ведь и писателю нужно есть. И не только арбузы.

Херсон я любил. Знаю его хорошо. С боями когда-то взял Херсон у белых, даже повесть написал, она должна была выйти в альманахе Серапионовых братьев в 1921 году с предисловием М. Горького, но и «крыша» Горького не помогла, цензура зарезала альманах.

Никогда не узнает В.Б. Шкловский, что в Финляндии нашли рукопись этого альманаха и в 2012 году в Санкт-Петербурге издали его. И рядом с М. Зощенко, В. Зильбером (еще не взявшим псевдоним – Каверин), со Львом Лунцем, В. Познером – повесть В. Шкловского «В пустоте». Начинается она короткими абзацами, короткими фразами, почти как у В. Дорошевича.

«Про Херсон скажу мало:

«Смотри энциклопедический словарь».

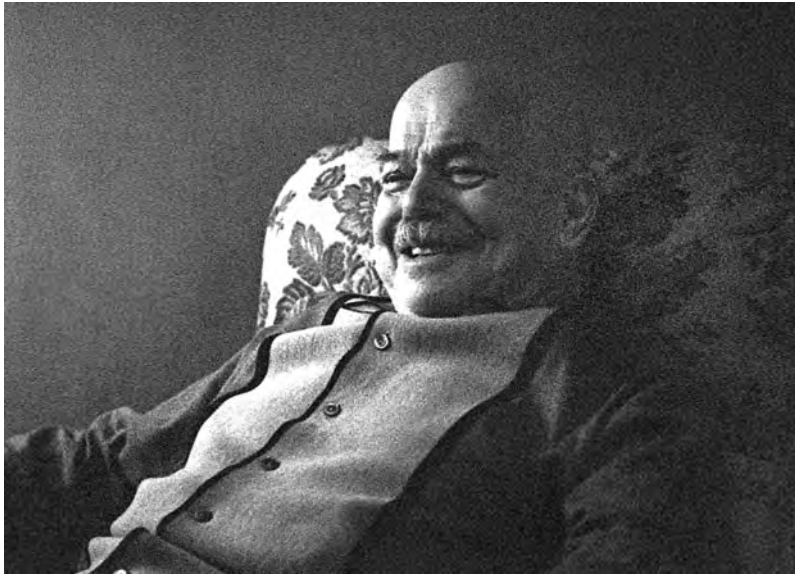
Продукты дешевы, но цены уже небось переменились.

Молоко густое. Город жаркий. Днем никто не гуляет. Ночью ходить запрещено. Гулять, значит, можно только часа два. Вываливает весь город вечером на темную улицу. Мужчины одеты в платья из мешков, женщины – побелей, почти все – в деревянных сандалиях, тьма улиц увеличивается густыми тополями».

– Думаете, это про Железняка? Это про меня народ песню сложил: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону».

Шкловский улыбается. Уже много позже я прочитал, что улыбка Шкловского – тик. В 1918 году большевики расстреляли его родного брата как правого эсера, в 1937 году второго родного брата – преподавателя духовной семинарии. Почему доля сия миновала самого Виктора Борисовича, ему самому было непонятно. Хоть уже в Берлине заканчивал он свою книгу «Зоо, или Письма не о любви» письмом во ВЦИК СССР: «Я поднимаю руки и сдаюсь». В СССР его впустили. Тик на лице остался.

– А об Одессе не писали?

– Вот сейчас пишу письмо внуку.

29 августа написал:

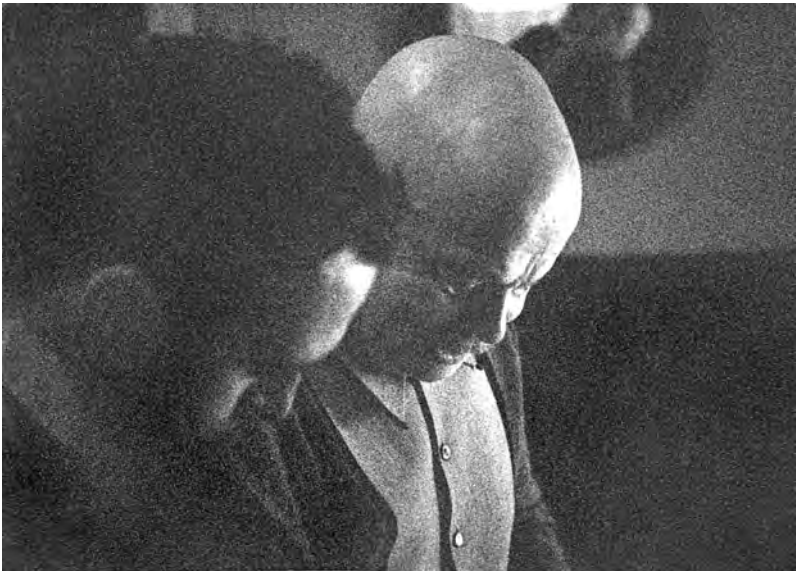
«Одесса большая. Она давно не стриглась. Улицы заросли зеленой бородой. пляжи намывные. ходят большие катера. Персики зреют, ни о чем не думая...»

– Виктор Борисович, чтобы попросить у вас автограф, я взял не «Зоо...», а «Гамбургский счет». Мне кажется, что созданный вами термин честного соревнования в литературе не устарел и не устареет. Придумали вы его или действительно услышали...

Виктор Борисович ел арбуз и улыбался. Я надеялся, что он что-то будет объяснять...

Шкловский пошел вымыть руки. Вернувшись, я бы сказал – нежно, взял книгу 1928 года в ладони. Эта книга была написана уже после возвращения в СССР. задумался. А потом твердым почерком вывел:

«Евгению Михайловичу Голубовскому свидетельствую свое почтение и факт, что эту книгу написал Виктор Шкловский. 9 сентября 1969 года. Одесса».

Факт. Литература факта. Как много это значило для него и в 1928, и в 1969 годах...

Гораздо позднее в книге Вениамина Каверина «Эпилог» (а Каверин любил в юности Шкловского, ему обязан тем, что написал свой первый роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове») главка о В. Шкловском была названа «Я поднимаю руки и сдаюсь».

Вот и теперь у меня перед глазами круглый стол на одесской даче, на нем херсонский арбуз, вечно улыбающийся от тика Шкловский, говорящий мне полупшепотом: «Я поднимаю руки. И... не сдаюсь».

С Виктором Борисовичем я встречался позже и в Москве, говорили об Олеше и Катаеве, о сестрах – Лиле Брик, вечной любви Маяковского, и ее родной сестре Эльзе Коган-Триоле, в которую в Берлине безумно влюбился Шкловский, говорили, что «буря и натиск» – прекрасны, но далеко не всегда плодотворны.

Прав ли был Виктор Шкловский? Думаю, что прав. Кто сумеет подсчитать мощь «энергии заблуждения»?

А передо мной лежит уже не «литература факта», а артефакт – и в 1969 году Виктор Шкловский не отказывался от своего понимания «гамбургского счета».

Итожа его более чем 90-летний путь, можно повторить слова самого Виктора Борисовича: «Я поднимаю руки. И не сдаюсь».

Фото Сергея Калмыкова

